

Научная статья
УДК 81+811.35
DOI: 10.31143/2542-212X-2025-1-275-285
EDN: REDQAI

ПРОБЛЕМА ОПРЕДЕЛЕНИЯ ЗВУКО-КОРНЯ И ЕГО СЕМАНТИКИ НА ПРИМЕРЕ ОДНОГО ЗВУКА [КЪ] КАБАРДИНО-ЧЕРКЕССКОГО ЯЗЫКА

Мусадин Латифович Карданов

Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова,
Нальчик, Россия, musadin07@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3393-549X>

Аннотация. Дополнительный анализ в определении семантики звуко-корней, которые в адыгovedении считаются несамостоятельными корневыми элементами, позволяет сделать вывод, что в современном кабардино-черкесском языке грамматикализовавшиеся морфемы некогда были носителями определенных значений. Исходя из выявленных микрозначений звуков, которые позволяют дешифровать слова, мы выдвигаем гипотезу об иерархичности в них звуков, что находит свое подтверждение в примерах из языка. Это новый подход не только в адыгovedении, но и в целом в лингвистике для определения значения слова. Кардинальное отличие нашего исследования от последователей фоносемантизма заключается в том, что, отрицая семантизм в звуках, мы находим его сквозное значение во всех словах, компонентом которых он выступает и не считаем это исходной точкой для звука. Мы выдвигаем гипотезу, что абсолютную семантику звука можно определить только на стыке лингвистики и естественных наук.

В статье рассматривается точка зрения для выявления исконного и заимствованного слова, так как многие лексические единицы соотносятся к тому или иному языку без аргументированного полиаспектного анализа.

Ключевые слова: семантика, звуко-корень, микрозначение, фоносемантизм, этимология, заимствование, кабардино-черкесский.

Финансирование: «Исследование выполнено при финансовой поддержке Внутреннего гранта КБГУ (Договор № 41)», «В рамках программы «Приоритет 2030»».

Для цитирования: Карданов М.Л. Проблема определения звуко-корня и его семантики на примере одного звука кабардино-черкесского языка // Электронный журнал «Кавказология». – 2025. – № 1. – С. 275-285. – DOI: 10.31143/2542-212X-2025-1-275-285. EDN: REDQAI.

© Карданов М.Л., 2025

Original article

THE PROBLEM OF DETERMINING THE SOUND ROOT AND ITS SEMANTICS USING THE EXAMPLE OF ONE SOUND OF THE KABARDINO-CIRCASSIAN LANGUAGE

Musadin L. Kardanov

Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov, Nalchik,
Russia, musadin07@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3393-549X>

Abstract. Additional analysis in determining the semantics of sound roots, which in Adyghe studies are considered non-independent root elements, allows us to conclude that in the modern Kabardian-Circassian language, grammaticalized morphemes were once carriers of certain meanings. Based on the identified micro-meanings of sounds that allow us to decipher words, we put forward a hypothesis about the hierarchy of sounds in them, which is confirmed in examples from the language. This is a new approach not only in Adyghe studies but also in linguistics in general for determining the meaning of a word. The cardinal difference between our research and the followers of phonosymbolism is that, denying symbolism in sounds, we find its end-to-end meaning in all words of which it is a component and do not consider this the starting point for sound. We hypothesize that the absolute semantics of sound can only be determined at the intersection of linguistics and natural sciences.

Our research establishes a viewpoint for identifying original and borrowed words, because many lexical units lack a reasoned multi-aspect analysis connecting them to a particular language.

Keywords: semantics, sound-root, micromeaning, phonosymbolism, etymology, borrowing, Kabardian-Circassian

Financing: «The study was conducted with the financial support of an Internal grant from KBSU (Agreement no. 41), «Within the Priority 2030 program»».

For citation: Kardanov M.L. The problem of determining the sound root and its semantics using the example of one sound of the Kabardino-Circassian language. IN: Electronic journal «Caucasology». – 2025. – № 1. – P. 275-285. – DOI: 10.31143/2542-212X-2025-1-275-285. EDN: REDQAI.

© Kardanov M.L., 2025

Введение

Общеизвестно, что префикс (приставка) – значимая часть слова, которая находится в препозиции корня и помогает образовывать слова, как и то, что звук не может иметь значение, являясь минимальной единицей языка. В отличие от русского языка, в кабардино-черкесском имеются две группы префиксов – словоизменятельные и словообразовательные. Словоизменятельные служат для образования новых форм изменяемых слов, тогда как словообразовательные – образуют новые номинации и выражают его лексическое значение. Произношение согласных звуков в кабардино-черкесском языке отличается от произношения тех же звуков в русском: если во втором наблюдается «разночтение», например буква *к* произносится [ка], тогда как согласную букву *р* надо выговаривать с гласным впереди [эр], в кабардино-черкесском все согласные буквы озвучиваются с постпозицией гласного *ы*: [бы] [кы] [лы] [чы] [щы]. Отдельный звук данного языка невозможно произнести без такой огласовки. Из всего состава согласных, за исключением нескольких, значения которых, возможно, носители языка утратили, все они имеют значение глагола в повелительном наклонении: *ды* «сшей», *вы* «пропаши», *джы* «прочти», *кIуы* «пройди», *щы* «стриги», *щIы* «делай». Естественно, некоторые звуки кроме глагольного значения несут в себе и семантику существительного, числительного, местоимения. Трудно сказать, какое первоначение было у такого согласного, но без сомнения, расширение семантики происходило в процессе развития языка.

Мы выдвигаем гипотезу, что не только согласные, но и гласные звуки могут иметь собственное значение, так как в современном кабардино-черкесском и родственном адыгейском языках, функционируют простые корневые морфемы с конечным [ы] и [э]: *ды* «сшей» – *дэ* «шей»; *зы* «один» – *зэ* «единожды». Замена одного гласного другим создает новую форму слова с собственным лексическим значением. Такой подход позволяет говорить, что современный кабардино-черкесский язык сохранил структуру праадыгского корня, в котором минимальная единица потока речи является не просто звуком, а звуко-корнем. Поэтому не можем быть едины во мнении с Д.Н. Шмелёвым, который писал, что «... в реальном языке, где звуки не являются носителями собственных значений, а выступают как смыслоразличители в составе морфем и слов, их самостоятельная “выразительность” не может играть сколько-нибудь заметной роли. Это не значит, однако, что продолжавшиеся в течение веков попытки определить собственный “смысл” звуков (например, установить, какие эмоции или представления способны вызвать каждый из гласных сам по себе) основаны целиком на недоразумении и иллюзиях...» [Шмелёв 1964: 162].

Хотя мы идем вразрез с определением лингвистического звука, вполне солидарны с тем, что «превращение самостоятельного слова в префикс происходит в том случае, когда слово, присоединяясь к ряду полнозначных слов, начинает выражать признаки или отношения категориального, то есть весьма отвлеченного характера» [Штейнберг 1976: 144].» Но в кабардино-черкесском и в целом в адыгских языках, перешедшая в категорию префикса часть слова, смогла сохранить первозначение. Наше исследование посвящено одной такой морфеме [кь].

Дискуссия

Лингвисты, занимавшиеся адыгскими языками (Кумахов, Урусов, Шагиров), отмечают, что префикс [кь-] всегда выступает в значении «направленность действия», что подтверждается примерами из языка: *кьакIуэ* «пойди в мою сторону», *кьэдз* «бросай в мою сторону», *кьэтх* «напиши мне», *кьажэ* «беги в мою сторону». Такая системность значения звука в кабардино-черкесском не согласуется с мнением В.В. Левицкого, по мнению которого «в силу чисто условной связи знака с тем, что он обозначает, значения его могут быть в принципе как угодно разнообразны: знак может иметь любое значение; изменчивость значений знака в принципе не знает никаких ограничений» [Левицкий 2009: 5]. Наше несогласие с автором основывается на примерах из языка, которые не являются единичными, что исключает случайность совпадений.

Сквозная семантика наблюдается по всем глаголам, компонентом которых выступает данный звук и можно быть солидарным с мнением Л.Н. Санжарова в том, что, рассматривая звук знаком, нужно признать, что он не условлен и не произволен» [Санжаров 1996: 4]. Но наряду с этим, наличие исследуемого в данной статье звука [кь] в словах, обозначающих действие, дает повод усомниться в гипотезе упомянутого автора, считающего фонетическое значение носителем коннотативного характера, обозначающего цвет, различные виды оценки, эмоции [Санжаров 1996: 4].

Определенное значение для анализируемого звука прослеживается не только в современном кабардино-черкесском, но и в адыгейском, что свидетельствует о его архаичности. Но кроме глагола он встречается и в номинациях из других частей речи, где не по всем примерам отчетливо просматривается значение «направленность действия», так как анализируемая морфема в них выступает не как грамматикализированный словообразовательный префикс, а как звуко-корень. Иными словами, [кь] встречается на всех позициях и по современной словообразовательной модели современного состояния языка считается: 1. Словообразовательным префиксом; 2. Корневым элементом; 3. Словообразовательным суффиксом. Наша гипотеза заключается в том, что исследуемый звук в эпоху праадыгского языка: а) имел одно значение, независимо от места в слове; б) являлся звуко-корнем, в процессе развития языка, перешедший во многих случаях в словообразовательный аффикс. «Исследуя взаимосвязь звуков и значений, – пишет Л.Ф. Осипова, – ученые пришли к выводу, что звуки речи обладают некоторой содержательностью. Каждое слово представляет собой единство содержания и формы. Звуковое оформление слова, будучи внешней формой, способно отразить само содержание. Значит, слово имеет не только лексическое значение, но и фонетическое, которое интерпретируется характерными признаками» [Осипова 2008: 53]. Но так как в слове не один звук, его значением может быть сумма значений звуков, т.е. лексическое значение – это сумма значений звуков.

О возможном происхождении анализируемого нами звука есть различные мнения: Х.Ш. Урусов пишет «о переходе общеадыгского фарингального придыхательного [кхь] в абруптив [кь]» (*макь* ← *макхь*) [Урусов 2014: 48], М.А. Кумахов полагает, «что в общеадыгском языке фарингальные придыхательные *кь*, *кьу* по происхождению не могли быть гомогенными» [Кумахов 1981: 193] и предполагает первичную форму для обозначения слова *кладбище* не как современное *кхъэ*, а *кьэ*. Известный компаративист А.К. Шагиров отмечает, что в вариантах *кхъэ/кьэ* используемые в адыгских языках для обозначения *кладбище*, «исходным значением следует считать второе слово» [Шагиров 1977 (Б): 237]. Придерживаясь мнений М.А. Кумахова и А.К. Шагинова, мы попытаемся определить сквозное первоначение звука [кь] во всех словах, в которых он присутствует.

Возможно, представители фоносемантизма (Левицкий, Журавлев, Осипова, Санжаров, Тамбиева и др.) правы в своих исследованиях относительно тех языков, о которых они пишут, говоря, что «одной из главных задач фоносемантиста является – интерпретировать семантику звука, учитывая способ и место его артикуляции. Место артикуляции имеет принципиальное значение для идеофонов, так как гипотетически именно оно служит источником символизации признаков в процессе номинации» [Тамбиева 2003: 6], чего нельзя сказать о звуках кабардино-черкесского языка. Конечно, мы не отрицаем, что при произношении звука участие принимают конкретные произносительные органы, принимая определенное положение, но не всякий звук, образованный в одном и том же месте или способом, может нести в себе значение. Исследуемый нами звук [кь] является частью звукоподражания *кья-кья-кьэ* «кудахтание», но не

можем в данном примере выводить значение «направленность», тогда как с такой семантикой определяется в номинации *адакъэ* «петух». Такие примеры могут свидетельствовать о том, что не значения звуков в идеофонах первичны, а полученная семантика звуков в полнозначных словах использовалась для обозначения звукоподражательных слов. К примеру, носители кабардино-черкесского языка знают, как обозначить мычание коровы – «*му-у-у*», но в кабардино-черкесском языке нет такого сочетания *жэмыр мэму* «корова мычит», а есть – *жэмыр мэбу*; собака лает, издавая звуки *хьэу-хьэу*, но говорим *хьэр мэбанэ* «собака лает». Если бы мы получали значения звуков из идеофонов, то в полнозначных словах не могли бы иметь указанные переходы. То, как *петух кукарекает*, в кабардино-черкесском обозначается *адакъэр маIуэ*, где в *маIуэ* «кукарекает» нет звука [къ], но есть тот же [Iу], что и в *бжэIу* «дверной проем». Говорить о том, что на лингвистическом уровне данный элемент имеет одно и то же значение в *маIуэ* «кукарекает» и *бжэIу* «дверной проем» не приходится, и невозможно утверждать, происхождения звука [Iу] из звукоподражания. Мнение А.А. Реформатского, что «мы не знаем, почему «нос» называется носом, «стол» – столом, «кот» – котом и т.п.» [Реформатский 1996: 18-19] мы могли бы поддержать в том случае, если речь шла о звукоизобразительных словах. Дешифровку микрозначений звуков с выведением макрозначения слова невозможно осуществить только на лингвистическом уровне. Точное определение семантики звука реализуемо только на стыке лингвистики и естественных наук.

Мы не можем отрицать результаты проведенных лингвистами экспериментов (А.С. Штерн, Г. Мюллер, В.В. Левицкий, А.П. Журавлев, Л.П. Прокофьева и др.), где они попытались связать символику звуков с определенными цветами или действиями, но здесь надо учитывать, что при привлечении определенного количества людей к таким экспериментам, естественно, перевес по количеству обязательно будет на каком-то звуке и говорить о том, что некий звук всегда ассоциируется с тем или иным цветом, не очень убедительно.

В отличие от М.А. Джукаевой, анализировавшей фоносемантические свойства спирантов в чеченском языке [Джукаева 2016], рассматривая значение звука, мы не стремимся определить базовый корпус лексем, как и не делим на семантические поля, так значение звука в кабардино-черкесском языке проходит сквозным значением по всему словарному составу. В лексическом фонде языка нет слов-исключений, ни по своей словообразовательной модели, ни по значению, есть номинации, которые на данном этапе исследования могут быть не раскрыты из-за неправильного подхода.

А.К. Шагиров в своих этимологических исследованиях во многих примерах значение элемента [къ] считает «не ясным», особенно если он стоит в конце слова: *адакъэ* «петух», *дакъэ* «утолщенная часть чего-либо» [Шагиров 1977 (А) : 56, 142]. Наша гипотеза отличается от исследований других авторов тем, что один и тот же звук, интерпретируется только в единозначии. Позиция звука в слове не может менять ни его семантику, ни значение самого слова. Общеизвестно, что от перестановки мест слагаемых, сумма не изменяется, однако, относительно значения номинации, которая складывается из семантики звуков, нами обнаружена такая закономерность как иерархичность. От места звука в

слове зависит то, на какое микроразнообразие делается акцент в макрозначении. Например, если в *дакъэ* «утолщенная часть чего-либо» первый звук [д] говорит о том, что «то, о чем идет речь, не подлежит дальнейшему развитию (именно в этой части не может быть продолжения)», а [къ] поясняет, что «направлено оно в твою сторону», то в слове *къадэ* «шей в мою сторону», где присутствуют те же звуки, что и в первом примере, акцент делается сначала в «сторону направления», а затем на то, что «это действие зашивается без дальнейшего развития». Для сравнения использованы существительное и глагол с аналогичными звуками в разных позициях, но с сохранением значения.

Свой подход в исследовании мы попытаемся аргументировать примерами из языка, где анализируемый звук выступает компонентом слов, относящихся к разным частям речи. К тому же позиция звука [къ] в номинациях немонотипная. Приводимые ниже примеры в современном языке делятся на две группы:

1. Исконные: *бгъакъэ* «грудастый», *дакъэ* «пень», «утолщенная часть чего-либо», *лъэдакъэ* «пятка», *Іэдакъэ* «утолщенная часть ладони к запястья», *адакъэ* «петух», *накъэпакъэ* «скуластый, широколицый», *дзэкъэн* «кусаться», *гурымыкъ* «упрямый», *жэпкъ* «кочерыжка», «стебель», *къабзэ* «чистый», *къепсын* «светить (о солнце)», «чихать», *къеихын* «пойти (о дожде)»;

2. Заимствованные (возможные) из арабского, тюркских, персидского: *макъ* «голос, звук», *уэнжакъ* «дымоход», *къару* «сила», *къэб* «тыква», *хъэкъ* «долг, обязанность».

Для начала разложим на составляющие компоненты слова, которые всеми исследователями считаются исконными, но так как статья посвящена значению звука [къ], другие звуко-корни не будут раскрываться на уровне микроразнообразий, за исключением тех, по которым уже опубликованы отдельные работы. Слово *бгъакъэ* «грудастый» состоит из *бгъэ* «грудь» и элемента *къэ*. Поскольку для [къ] мы определяем семантику «направление в сторону говорящего» или «сторона, куда направлено действие», представим для себя, что значит «грудастый». У «грудастого человека» данная анатомическая часть направлена в «сторону того, кто так характеризует объект», иначе говоря, *бгъэ* «грудь» направлена в сторону [къ] того, кто так описывает человека. Значение звуко-корня [б] в одной из своих публикаций, нами определено как «нечто выпуклое» [Карданов, Езаова, Шугушева 2024: 27-34].

Дакъэ «пень» мы можем говорить, только тогда, когда она (пень), находится ниже самого человека и уже не является носителем биологической жизни, т.е. есть нечто зашитое, откуда не будет продолжения. Исходя из такой семантики, часть [къэ] присутствует в *лъэдакъэ* «пятка (утолщенная часть ступни)». Слово *лъэдакъэ* можно интерпретировать как «утолщенная часть ноги, направленная в сторону того, кто видит это место», таким же образом раскладывается и номинация *Іэдакъэ* «утолщенная часть ладони у запястья»: утолщенная часть руки, направленная в сторону того, кто видит это место.

Пкъы «косточка» – то, из чего развивается «направленная в сторону говорящего, жизнь», поэтому [къ] является компонентом слова *къэкІыгъэ* «растение» – «то, что растет в твою сторону». Исходя из значения анализируемого звука, использовать для обозначения *растения* слово *къэкІыгъэ* семантически

будет правильно только по отношению к тем из них, рядом с которыми находится говорящий, потому что в данный момент растения направлены именно в его сторону. А для обозначения растений, которые находятся вне поля его зрения, следует использовать номинацию *кIыгъэ* [растение] без префикса направленности действия [къэ-]. Невозможно утверждать, что номинация *пкъы* получила значение «корпус» в процессе развития языка, равно, как и заявлять о первичности «косточка».

Дзэкъэн «кусаться» – «направленность зубов в сторону проведения действия», где *дзэ* «зуб».

Накъэ «скуластый, широколицый» – человек с лицом, чьи скулы выпячиваются вперед.

Адакъэ «петух», адыгейский вариант – *атакъэ*, который, по нашему мнению, является более архаичной формой: «дающий звук».

Къабзэ «чистый» – «направленный в сторону говорящего язык». *Къабзэ* «чистый» говорит о том, что человек или предмет, вещь, человека, за которыми он следит. То, как он следит за собой или своими вещами, содержится в данном примере.

Къепсын «светить (о солнце)», «чихать», *къешихын* «пойти (о дожде)» – оба действия происходят «в сторону говорящего». Когда такие погодные явления происходят в местах, где нет самого говорящего, используются слова *щопс*, *щоих* – *дыгъэ щопс* «там светит солнце», *уэих щоих* «там идет дождь».

Когда речь заходит о возможных заимствованиях, многие исследователи вместо того, чтобы провести полиаспектный анализ, языком реципиентом определяют тот, у которого номинация зафиксирована в более поздних письменных источниках. Так получилось с анализируемыми нами словами *хъэкъ* «долг, обязанность», *уэнжакъ* «дымоход», *къару* «сила», *къэб* «тыква», *макъ* «голос, звук» и соответственно, с производными от последнего примера названиями анатомических органов *тэмакъ* «глотка», *къурмакъей* «горло».

Говоря об арабских заимствованиях, авторы двухтомника «Кабардино-черкесский язык» отмечают, что их проникновение «в кабардинский и адыгейский языки обычно определяется XIV в., однако массовое их вхождение относится к концу XVIII в.» [Кабардино-черкесский язык 2006: 95]. Общеизвестно, что основная масса арабизмов проникла в адыгские языки под влиянием ислама, что не всегда говорит об их соотносительности с религией, а являются лишь лексической единицей арабского языка. Если номинации *нэмэз* «намаз», *бегъымбар* «пророк», *мелыIыч* «ангел» без сомнения относятся к религии, то в отношении слова *хъэкъ* «долг, обязанность» нельзя быть столь категоричным. Оно используется в кабардино-черкесском языке в нескольких значениях: I. Истина, правда; II 1. Заработок, зарплата; 2. Долг (*напр. денежный*); 3. Долг, обязанность *перед кем-чем-л.* [Словарь 1999: 728]. Не отрицая наличие данного примера в арабском языке, сравниваем его со словами в кабардино-черкесском по месту в слове: *хъэкъ* – *жэпкъ* «стебель, кочерыжка»; *цIикъ* «хилый, слабый»; *ныбэкъ* «пузатый»; *цхъэдыкъ* «забывчивый». Положение в слове анализируемого звука не является не характерной для кабардино-черкесского, но и не может быть полноценным аргументом его исконности в том или ином языке. В

имеющихся работах по лексике и этимологии адыгских языков, хотя номинация *хьэкъ* «долг» обозначается заимствованием, но не разъясняется ни механизм, ни причина заимствования, как и не учитываются некоторые нюансы между возможным языком-донором и реципиентом. По версии А. Мейе, «язык распространяется, лишь когда он является носителем культуры, внушающей уважение. Иногда распространение языка полностью обусловлено превосходством культуры: так, ионийско-аттическое койне вытеснило все другие греческие говоры, так как его носители были наиболее типичными представителями эллинской цивилизации» [Мейе 1954: 23]. Такое мнение находим и у российских ученых, по мнению которых «целые пласты лексики заимствуются из того языка, носители которого имеют более развитую культуру. Поэтому если из истории известно, от какого народа к какому шло заимствование элементов культуры, можно предположить, что и слова, называющие их, были заимствованы вместе с ними» [Бурлак, Старостин 2005: 51]. Но номинации *хьэкъ* «долг, обязанность», *уэнжакъ* «дымоход», *къару* «сила», *къэб* «тыква», *макъ* «голос, звук», *тэмакъ* «глотка», *къурмакъей* «горло» не являются элементами культуры, если по отношению к *къэб* «тыква» можно говорить о его возможном заимствовании с самим растением, то для других примеров нет аргументов. Чтобы язык, в котором функционируют более 400 исконных слов, связанных с анатомией, в том числе несколько десятков названий внутренних органов, заимствовал два названия органов *тэмакъ* «глотка», *къурмакъей* «горло», нужны веские причины. По мнению А.К. Шагирова, *тэмакъ* из тюркских языков в значениях «горло», «глотка», «гортань» [Шагиров 1977 (Б): 69]. Но, во-первых, в турецком и татарском языках глотка звучит как *boğaz/бугаз*, в татарском *горло* – *тамак*, в турецком – *boğaz*, при *къурмакъей* *сыдж* «кадык» в турецком – *adem elması*, татарском – *бугаз*, башкирском *казык*; *къурмакъей* *хьыщт* «хрящ горла» башкирском – *танау һөлдәһе*, татарском – *йоткылык кимерчәге*, турецком – *faringeal kıkırdak*, т.е. в тюркских оно не повторяется. Во-вторых, *тэмакъ* «глотка» и *къурмакъей* «горло», хотя и находятся рядом, являются разными анатомическими органами и не могут иметь одно название, хотя А.К. Шагиров трактует первое слово в трех значениях. В-третьих, в *тэмакъ* «глотка», *къурмакъей* «горло», *макъ* «голос, звук» содержится наименьшая из трех возможных лексическая единица *макъ*, которая на лингвистическом уровне трактуется «давать звук», а в тюркских языках такая тенденция отсутствует. И, в-четвертых, нельзя забывать о фонетических процессах в языке-доноре и реципиенте, где мы солидарны что «в рассматриваемых словах должны наблюдаться регулярные фонетические соответствия: при интенсивных контактах всегда возникают правила пересчета с "иностранного" языка на родной, и таким образом, звуки "иностранного" языка получают в заимствующем языке регулярное (независимое от значения слов, хотя, возможно, распределенное по позициям) отражение. Отсутствие регулярности фонетических соответствий может быть либо в том случае, когда заимствований мало (с единичными объектами и обращение будет индивидуальное, а не системное), либо в том случае, когда заимствования относятся к разным временным пластам (или разным диалектам). Предположения о

беспорядочном "искажении" слов при заимствовании в общем случае неверны» [Бурлак, Старостин 2005: 53].

Возвращаясь к якобы арабскому заимствованию *хъэкъ*, возникают два вопроса:

1. Не являясь религиозным термином или номинацией для конкретного предмета, как слово *хъэкъ* в разных значениях проникло в адыгские языки?

2. Как одно слово без остатка смогло вытеснить четыре исконных в кабардино-черкесском языке: для обозначения *истины, правды; заработка, зарплаты; долга (напр. денежный); долга, обязанности перед кем-чем-л.?*

Если по версии авторов «Кабардино-черкесский язык», арабизмы начали проникать в указанный язык в XIV в., то до этого, по крайней мере, должно было пройти пару сотен лет, чтобы адыги признали «превосходство культуры» арабов, чтобы заимствовать слово, не имеющее отношения к религии [Кабардино-черкесский язык 2006: 95]. Но даже при таком варианте, четыре-пять веков недостаточны, чтобы заимствованное слово могло полностью вытеснить исконное, не оставляя никакого следа.

Исходя из таких соображений, прежде чем соглашаться по поводу возможных заимствований, мы сравниваем его со словообразовательными моделями исследуемого языка, суммируем выведенное значение звуко-корней и соглашаемся с тем, что она заимствована, если анализируемая лексема не обозначает то, на что указывает в данном языке. Поэтому, слово *хъэкъ*, нами было интерпретировано как «информация, направленное в сторону говорящего» [Карданов 2022: 44-52]: *адэ-анэм и хъэкъ* «долг перед родителями» – информация, которая направлена в твою сторону, как и *хъэкъ* «долг» перед животными, которых сам приучил, растениями, что посадил.

Заключение

Проведенное исследование показывает, что на лингвистическом уровне можно лишь приблизиться к истинному значению звука, которое можно определить только на стыке лингвистики и естественных наук. Сквозная семантика звука на примерах из современного кабардино-черкесского языка свидетельствует, что вопреки устоявшимся канонам в языкознании, он несет в себе определенное значение и не является каким бы то ни было символом для обозначения цвета, действия или абстрактного понятия. Наша версия об иерархичности звуков в словах, находит свое подтверждение при их дешифровке, а значение звуко-корня остается постоянной независимо от его положения. В изыскании нами также ставится под сомнение соотнесение слова к пласту заимствований только потому, что оно или созвучное ему встречается в письменных источниках другого языка. Номинация может считаться не исконной, если в данном языке при дешифровке звуков, сумма значений звуков не соответствует тому, что слово обозначает.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ ЛИТЕРАТУРЫ

Бурлак, Старостин 2005 – Бурлак С.А., Старостин С.А. Сравнительно-историческое языкознание. – М.: Академия, 2005. – 432 с.

- Джукаева 2016 – *Джукаева М.А.* Фоносемантические свойства спирантов. – Грозный: ЧГУ, 2016. – 164 с.
- Кабардино-черкесский язык 2006 – *Кабардино-черкесский язык*. – Нальчик: Эль-Фа, 2006. – Т. 2. – 520 с.
- Карданов 2022 – *Карданов М.Л.* Смысловая трансформация звуко-корня [хь] в адыгском языке // Вестник Кабардино-Балкарского государственного университета: Журналистика. Образование. Словесность. – Т. 2, № 4. – 2022. – С. 44-52.
- Карданов, Езаова, Шугушева 2024 – *Карданов М.Л., Езаова М.Ю., Шугушева Дж.Х.* Спорные вопросы адыгской семасиологии и словообразования // Филологические науки. Язык. Культура. Социум. – № 6. – 2024. – С. 27-34.
- Кумахов 1981 – *Кумахов М.А.* Сравнительно-историческая фонетика адыгских (черкесских) языков. – М.: Наука, 1981. – 288 с.
- Левицкий 2009 – *Левицкий В.В.* «Звуковой символизм: мифы и реальность». – Черновцы: Рута, 2009. – 186 с.
- Мейе 1954 – *Мейе А.* Сравнительный метод в историческом языкознании. – М: Иностранная литература, 1954. – 100 с.
- Осипова 2008 – *Осипова Л.Ф.* Фоносемантические особенности личных имен в татарском языке. – Елабуга: ЕГПУ, 2008. – 150 с.
- Реформатский 1996 – *Реформатский А.А.* Введение в языковедение. – М.: Аспект Пресс, 1996. – 536 с.
- Санжаров 1996 – *Санжаров Л.Н.* Современная фоносемантика: истоки, проблемы, возможные решения. Тула: Изд. ТГПУ им. Л.Н. Толстого, 1996. – 36 с.
- Словарь 1999 – *Словарь кабардино-черкесского языка*. – М.: Дигора, 1999. – 854 с.
- Тамбиева 2003 – *Тамбиева, Ж.М.* Межъязыковые фоносемантические соответствия гуттуральных согласных (на материале русского, английского и абазинского языков). Автореф. дис. канд. филол. наук / Ж.М. Тамбиева. – Пятигорск, 2003. – 17 с.
- Урусов 2014 – *Урусов Х.Ш.* История языка. – Нальчик: КБГУ, 2014. – 358 с.
- Шагиров 1977 (А) – *Шагиров А.К.* Этимологический словарь адыгских (черкесских) языков. – Т. 1. – М.: Наука, 1977. – 278 с.
- Шагиров 1977 (Б) – *Шагиров А.К.* Этимологический словарь адыгских (черкесских) языков. – Т. 2. – М.: Наука, 1977. – 278 с.
- Шмелёв 1964 – *Шмелёв Д.Н.* Очерки по семасиологии русского языка. – М.: Просвещение, 1964. – 244 с.
- Штейнберг 1976 – *Штейнберг Н.М.* Аффиксальное словообразование во французском языке. Суффиксация и префиксация. – Ленинград. Изд-ние Ленинградского университета, 1976. – 201 с.

REFERENCES

- BURLAK S.A., STAROSTIN S.A. *Sravnitel'no-istoricheskoe yazykoznanie* [Comparative historical linguistics]. – М.: Akade-miya, 2005. – 432 p. (In Russ.).
- DZHUKAEVA M.A. *Fonosemanticheskie svoistva spirantov* [Phonosemantic properties of spirants]. – Grozny: ChGU, 2016. – 164 p. (In Russ.).
- Kabardino-cherkesskii yazyk* [Kabardino-Circassian language]. – Nal'chik: El'-Fa, 2006. – Т. 2. – 520 p. (In Russ.).
- KARDANOV M.L. *Smyslova transformatsiya zvuko-kornya [kh'] v adygskom yazyke* [Semantic transformation of the sound root [x] in the Adyghe language]. In: Vestnik Kabardino-Balkarskogo gosudarstvennogo universiteta: Zhurnalistika. Obrazovanie. Slo-vesnost'. – Т. 2, № 4. – 2022. – P. 44-52. (In Russ.).
- KARDANOV M.L., EZAOVA M.YU., SHUGUSHEVA DZH.KH. *Spornye voprosy adygskoi semasiolo-gii i slovoobrazovaniya* [Controversial issues of Adyghe semasiology and word formation]. In: Filologicheskie nauki. Yazyk. Kul'tura. Sotsium. – № 6. – 2024. – P. 27-34. (In Russ.).

KUMAKHOV M.A. *Sravnitel'no-istoricheskaya fonetika adygskikh (cherkesskikh) yazykov* [Comparative historical phonetics of the Adyghe (Circassian) languages]. – M.: Nauka, 1981. – 288 p. (In Russ.).

LEVITSKII V.V. «*Zvukovoi simbolizm: mify i real'nost'*» ["Sound symbolism: myths and reality"]. – Chernovtsy: Ruta, 2009. – 186 p. (In Russ.).

MEIE A. *Sravnitel'nyi metod v istoricheskom yazykoznanii* [The comparative method in historical linguistics]. – M.: Inostrannaya literatura, 1954. – 100 p. (In Russ.).

OSIPOVA L.F. *Fonosemanticheskie osobennosti lichnykh imen v tatarskom yazyke* [Phonosemantic features of personal names in the Tatar language]. – Elabuga: EGPU, 2008. – 150 p. (In Russ.).

REFORMATSKII A.A. *Vvedenie v yazykovedenie* [Introduction to Linguistics]. – M.: Aspent Press, 1996. – 536 p. (In Russ.).

SANZHAROV L.N. *Sovremennaya fonosemantika: istoki, problemy, vozmozhnye resheniya* [Modern phonosemantics: origins, problems, possible solutions]. Tula: Izd. TGPU im. L.N. Tolstogo, 1996. – 36 p. (In Russ.).

Slovar' kabardino-cherkesskogo yazyka [Dictionary of the Kabardino-Circassian language]. – M.: Digora, 1999. – 854 p. (In Russ.).

TAMBIIEVA, Zh.M. *Mezh'yazykovye fonosemanticheskie sootvetstviya guttural'nykh so-glasnykh (na materiale russkogo, angliiskogo i abazinskogo yazykov)* [Interlanguage phonosemantic correspondences of guttural consonants (in the mother of Russian, English and Abaza languages)]. Avtoref. dis. kand. filol. nauk / Zh.M. Tambieva. – Pyatigorsk, 2003. – 17 p. (In Russ.).

URUSOV KH.SH. *Istoriya yazyka* [Language history]. – Nal'chik: KBGU, 2014. – 358 p. (In Russ.).

SHAGIROV A.K. (A) *Etimologicheskii slovar' adygskikh (cherkesskikh) yazykov* [Etymological dictionary of the Adyghe (Circassian) languages]. – T. 1. – M.: Nauka, 1977. – 278 p. (In Russ.).

SHAGIROV A.K. (B) *Etimologicheskii slovar' adygskikh (cherkesskikh) yazykov* [Etymological dictionary of the Adyghe (Circassian) languages]. – T. 2. – M.: Nauka, 1977. – 278 p. (In Russ.).

SHMELEV D.N. *Ocherki po semasiologii russkogo yazyka* [Essays on the semasiology of the Russian language]. – M.: Prosveshchenie, 1964. – 244 p. (In Russ.).

SHTAINBERG N.M. *Affiksatsiya slovoobrazovanie vo frantsuzskom yazyke. Suffiksa-tsiya i prefiksatsiya* [Affixal word formation in French. Suffixing and prefixing]. – Leningrad. Iz-danie Leningradskogo universiteta, 1976. – 201 p. (In Russ.).

Информация об авторе

М.Л. Карданов – кандидат филологических наук.

Information about the author

M.L. Kardanov – PhD (in philology).

Статья поступила в редакцию 24.01.2025 г.; одобрена после рецензирования 15.03.2025 г.; принята к публикации 27.03.2025 г.

The article was submitted 24.01.2025; approved after reviewing 15.03.2025; accepted for publication 27.03.2025.